

Золотая серия поэзии

СИМОН ОСИАШВИЛИ

МАМИНЫ ГЛАЗА

Москва
2016

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
О-73

Серия «Золотая серия поэзии»

Разработка оформления *А. Саукова*

Осиашвили, Симон Абрамович.

О-73 Мамины глаза / Симон Осиашвили. — Москва :
Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Золотая серия
поэзии).

ISBN 978-5-699-90294-1

Перед Вами сборник стихотворений и песен Симона Осиашвили — оригинального поэта и автора песен, в том числе известных и любимых слушателями «Не сыпь мне соль на рану», «Бабушки-старушки», «За милых дам», «Дорогие мои старики», «Зимний сад» и многих других, певца с многочисленной аудиторией поклонников. Симон Осиашвили написал уже более четырехсот песен, большинство из которых стали настоящими хитами и заслужили множество наград и дипломов. Более сотни самых лучших стихотворений, а также хорошо известные тексты песен органично переплетаясь с рассказом автора о своей судьбе, жизненных коллизиях и интересных встречах собраны в этой книге — «Мамины глаза».

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-699-90294-1

© Осиашвили С.А., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Я назвал этот сборник «Мамины глаза» совсем не потому, что мою песню с таким названием исполняет великая Тамара Гвердцители, и даже не потому, что с возрастом память, как увеличительное стекло, все отчетливее высвечивает далекие воспоминания о теплом молоке с сахаром, которое я пил из блюда в маминых руках, о песне «Эх, дороги», которую мама пела мне вместо колыбельной, о том, как, встречая маму с работы, я протягивал ей халат и тапки, чтобы она больше не уходила. «Сталат и тапты» — так называл я их, как рассказывала мне потом мама... А потому, что чем дольше я живу на свете, тем чаще я вспоминаю мамины глаза и все важнее для меня становится то, как бы посмотрела она на меня в той или иной жизненной ситуации. Иной раз мне кажется, что я и сам смотрю на жизнь мамиными глазами. Потому что ничего важнее этих глаз, оказывается, и нет... Думаю, рано или поздно это осознает каждый.

ВИЖУ БОГА

Когда молчит моя свирель,
Стучится сон в мою обитель:
Качает мама колыбель,
Как ангел мой, как мой хранитель.
Жаль, тех минут вернуть нельзя —
Часы считают время строго —
Но я смотрел в ее глаза,
Смотрел в глаза — и видел бога.

Кружила музыка меня
По нашей матушке России,
И освещалась жизнь моя
Ее бездонным взглядом синим.
Бываю я порой в слезах —
Она судить умеет строго —
Но я смотрю в ее глаза,
Смотрю в глаза — и вижу бога.

Мы ищем свет среди теней
В дыму соблазна и обмана —
И, не сомкнув своих очей,
Хранят нас Родина и мама.

Словами это не сказать,
Но у последнего порога
Я снова им взгляну в глаза,
Взгляну в глаза — и встречу бога...

МНЕ ДОСТАЛАСЬ ВСЕГО ТОЛЬКО ЖИЗНЬ

Когда-то я был положительным человеком. Окончил политехнический институт в родном своем городе Львове, работал программистом в большом вычислительном центре — и все в моей жизни было ясно и понятно. Тем более что профессию я себе выбрал совершенно осознанно — еще в школе я был победителем областных и республиканских математических олимпиад, так что никем иным, кроме как технарем, себя не мыслил. И уж во всяком случае, не гуманитарием точно. Все, собственно говоря, так и складывалось, пока однажды не прочитал я в журнале «Юность» повесть актера «Таганки» Вениамина Смехова «Служенье муз не терпит суеты». И вот в этой повести были процитированы стихи некоего безымянного автора. Это через несколько лет, когда были положены эти стихи на музыку, стали они популярной песней, помните, называлась она «Под музыку Вивальди». Но это случилось потом, а тогда, прочитав эти стихи, я просто сошел с ума. И дело не только в том, что стихи эти с бесконечными аллитерациями, с набегающими друг на друга, как волны, строками очень музыкальны. Вспомните:

Под музыку Вивальди, Вивальди, Вивальди,
Под музыку Вивальди и вьюгу за окном
Печалиться давайте, давайте, давайте,
Печалиться давайте об этом и о том...

Для меня, пожалуй, главное всего оказалась ситуация возвращения к предыдущей любви, описанная в этих стихах:

Но только ты молчала, молчала, молчала,
И головой качала любви печальной в такт,
А после говорила, поставьте все сначала,
Мы все начнем сначала, любимый мой. Итак...

А у меня как раз в жизни тогда именно это и происходило, я тоже возвращался к предыдущей любви. И вот все вместе, эти волшебные красивые стихи и эта ситуация — все это просто свело меня с ума. Я стал без конца бормотать про себя эти строки, днем и ночью, наяву и во сне — постоянно. А через некоторое время я вдруг обнаружил, что бормочу уже другие слова, то есть не просто слова, а стихи, которые я сочинил сам. Вот это новость! Я ведь до этого стихов никогда не писал, даже в том романтическом возрасте, когда просто положено это делать. Да и не читал их почти. А тут на тебе, взрослый двадцатичетырехлетний положительный человек, с серьезной профессией, вдруг занялся таким эфемерным делом. Смешно! Но мне было не смешно. Потому что несколько месяцев спустя выяснилось, что я просто не могу без этого жить. И это было действительно не смешно. Меня перестало интересовать все на свете,

кроме сочинительства. И в этом было огромное мое счастье, потому что до этого жил я по накатанной не мной колее: школа, институт, работа — и вдруг пришло ко мне Нечто, перевернувшее и захватившее всю мою жизнь. Но это, так сказать, эмоциональная сторона дела. А была еще и рациональная. Работа программиста стала меня тяготить, я хотел профессионально заняться сочинительством и отдавал себе отчет, что и образован я в гуманитарном смысле мало, да и в украиноязычном Львове мне с русскими стихами далеко не пойти. И выход мне виделся один — Литературный институт. Тот самый, знаменитый, имени Горького. Выпускникам которого, как мне казалось из львовского далека, открыта прямая дорога в Литературу. Вот и собрал я свои стихи, положил их в конверт и отправил в Москву, на творческий конкурс в Литературный институт. Не знаю, как сейчас, а в те годы, когда страна наша была самой читающей в мире, оказалась она еще и самой пишущей. И конкурс в Литературный институт был свыше трехсот человек на место. Поэтому что один такой он был на всю одну шестую часть мира. Но как-то повезло мне, что ли, прошел я конкурс, вернее, стихи мои прошли, и приехал я сдавать вступительные экзамены. Но об этом позже, а сейчас я покажу вам стихи, с которыми приехал я в Москву. Но прежде хочется обратить внимание на одну вещь. Помните, я писал, что к стихотворчеству меня привело совершенно конкретное обстоятельство, а именно стихи из повести Вениамина Смехова. А если бы мне не попался тот журнал, я до сих пор был бы программистом в городе Львове.

Представляете! Вот так случай может перевернуть судьбу. Я, как говорится, по гроб жизни буду благодарен Смехову за эту свою метаморфозу, впрочем, каким-то образом я с ним расквитался — для его дочери Алики Смеховой я написал несколько песен, а одна из них «Не перебивай» какое-то время была достаточно известной. Я рассказал Алике о том, какую роль в моей судьбе сыграла повесть ее отца, она вместе со мной поудивлялась тому, как лихо бывают закручены жизненные сюжеты, и мы вместе решили, что все в этой жизни взаимосвязано и закольцовано. Впрочем, до этого еще далеко. Я еще только поступаю в Литературный институт со своими ранними стихами, круто меняя свою жизнь...

МНЕ ДОСТАЛАСЬ ВСЕГО ТОЛЬКО ЖИЗНЬ

Мне досталась всего только жизнь...
Словно льдинка на речке весенней,
убывает, искрится, дрожит —
и смертельное это веселье
может вызвать безжалостный смех,
ну а может и чистые слезы.
Я не буду счастливее всех
и несчастней не буду, но все же
не забудьте, что я — это я,
пусть важнее имеются лица.
Эта льдинка — ведь жизнь моя...
Этот лед еще выдержит птицу.
Пусть несет меня жизни река,
пусть швыряет о камни и в омут —
знаю: льдинкина жизнь коротка,
но я жить не могу по-другому.
Даже если слеза задрожит,
улыбаюсь я белому свету...
Мне досталась всего только жизнь —
и прошу, не забудьте об этом!

* * *

Перелистаю облака,
Перечитаю небо —
Не все пустила с молотка
Эпоха ширпотреба.

Не все дано приобрести
За тысячи и сотни:
Светильник Млечного Пути
Не для продажи соткан.

Пускай лабазник прячет взгляд
Как барахло в подвале,
Не для него во тьме горят
Небесные скрижали...

УТРО

Расправляет затекшие крылья петух,
прикоснулся губами к свирели пастух,
и художник рукой потянулся к холсту,
и кузнец не скучает — слышать за версту,
и к далекому небу рванулась трава —
и в стихи превратились ночные слова.

